

На второй день спортивных состязаний атмосфера накалилась ещё сильнее, чем в первый, и в воздухе ощущалось томительное напряжение финального рывка. Солнце пекло жарче вчерашнего, так что пластиковая беговая дорожка едва ли не плавилась под лучами.

Се Хуайде, как и прежде, предпочёл занять своё излюбленное место — в дальнем и уединённом углу трибун. Только сегодня, прежде чем сесть, он машинально бросил взгляд в сторону классного лагеря.

Сюй Чжися сидел на краешке стула, спина его была прямой до неестественности, а лицо — всё таким же бледным, лишённым всяких признаков крови. Ци Юй, вооружившись бутылкой с ледяной водой, шумно и суетливо пытался приложить её к правому боку Сюй Чжися, куда тот вчера получил удар, но Сюй Чжися отмахнулся.

— Всё в порядке, — донёсся издалека голос Сюй Чжися. Звучал он всё так же ровно, однако Се Хуайде уловил в нём нотку едва сдерживаемой боли.

К ним подбежала Фань Ро с пачкой черновиков и, судя по всему, о чём-то спросила Сюй Чжися, но тот лишь покачал головой. Линь Яньцин поправил очки, что-то записывая неподалёку. Линь Си молча протянула нераспечатанную бутылку воды.

Се Хуайде отвёл взгляд, надел наушники и снова погрузился в тень. Но сегодня усидеть на месте было трудно. Шум на беговой дорожке, оглушительные крики поддержки из соседнего класса и этот бледный силуэт в классном лагере, вид которого явно оставлял желать лучшего — всё это, словно мелкие песчинки, царапало его нервы.

На утро была запланирована мужская эстафета четыре по четыреста метров. Ци Юй бежал на последнем этапе. Перед самым стартом он специально подбежал к лагерю, дал пять Сюй Чжися, а затем взмахнул кулаком в сторону своего класса, вызвав бурю восторженных криков.

Прозвучал стартовый пистолет, и началась упорная борьба. Первые три участника из третьего класса выступили стабильно, удерживая второе место при передаче эстафеты. Наступила очередь Ци Юй. Сорвавшись с места подобно вылетевшему из ствола пушечному ядру, благодаря великолепному взрывному ускорению он на финишной прямой успешно вырвался вперед и первым пересек финишную черту!

— Выиграли! — лагерь третьего класса мгновенно взорвался ликованием. Фань Ро подпрыгнула от восторга, Линь Яньцин улыбнулся редкой улыбкой, а Линь Си тихонько зааплодировала.

Тяжело дыша, окруженный толпой одноклассников, Ци Юй сиял от неприкрытого восторга и гордости. Через толпу он посмотрел в сторону лагеря, собираясь показать Сюй Чжися поднятый вверх большой палец, но того на месте уже не было.

— Эй, а куда это наш отличник делся?

— Понятия не имею. Наверное, наверх поднялся?

— Тогда пойдём поищем его чуть позже?

— Давай.

Наблюдая за этой сценой, Се Хуайде почувствовал, как в груди снова поднимается странное раздражение. Подобная коллективная, горячая и пропитанная чувством причастности атмосфера заставляла его чувствовать себя чужаком и даже причиняла некую боль. Он терпеть не мог это ощущение — нужду в других людях, потребность раствориться в толпе.

Поднявшись с места, он покинул трибуны и решил вернуться в класс ради тишины и покоя.

В учебном корпусе было пусто, почти все собрались на спортивной площадке. Толкнув заднюю дверь, он вошёл в класс: полуденное солнце лилось сквозь окна, отбрасывая яркие световые пятна на парты.

У порога его шаги замерли.

Сюй Чжися тоже оказался здесь. Стоя у окна спиной к двери, он слегка запрокинул голову и смотрел на улицу, прижав левую руку к правому боку — именно туда, куда вчера пришёлся удар. В лучах солнца его фигура казалась хрупкой, а в линиях плеч сквозила сдержанная напряженность.

Присутствие Се Хуайде спугнуло его.

Сюй Чжися резко убрал руку с бока и обернулся. Заметив Се Хуайде, он на мгновение удивился, но тут же вновь обрёл привычное спокойствие.

Они смотрели друг на друга через полкласса.

Воздух будто застыл. Смутный шум с площадки за окном лишь подчёркивал звенящую, неуместную тишину в помещении.

Глядя на бледное лицо Сюй Чжися, вспоминая, как тот вчера сквозь боль пробежал всю дистанцию, и как только что молча кивал в лагере, Се Хуайде чувствовал, будто в горле застрял ком. Ему хотелось бросить что-нибудь едкое вроде сам напросился со своим героизмом или спросить какого чёрта торчать наверху, а не внизу.

Но в конце концов он лишь кривил губы в усмешке, не произнося ни слова, направлялся к своей парте и с грохотом опускался на стул. Достав телефон, он уставился в экран, принявшись с показным раздражением тыкать в него пальцами.

Сюй Чжися тоже ничего не сказал. Подойдя к своему столу, он не стал сразу садиться, а выудил из-под крышки блокнот в тёмно-синей обложке. Его тонкие пальцы на секунду замерли на изображении бабочки, после чего, прихватив тетрадь, он развернулся и вышел из класса.

До самого конца они больше не обменялись ни единым звуком.

Се Хуайде в упор смотрел на экран телефона, не воспринимая ни строчки. Слабое дуновение ветерка, поднятое уходящим Сюй Чжися, коснулось его щеки, принеся с собой знакомый, чистый аромат с лёгкой прохладной ноткой мази.

Раздражённо заблокировав экран, он швырнул телефон в парту так, что раздался громкий стук.

В пустом классе он остался совсем один. Солнечные лучи беззвучно смещались, и в столбах света кружились пылинки.

Откинувшись на спинку стула, он закрыл глаза. Но в голове помимо его воли раз за разом прокручивался силуэт Сюй Чжися у окна с рукой на боку, и эта строгая бабочка на обложке блокнота, когда тот повернулся.

Тревожное, не находившее выхода чувство бушевало в его груди. Он осознавал, что всё меньше понимает Сюй Чжися, и всё меньше понимает самого себя и те хаотичные реакции, которые тот вызывал.

На дневные соревнования Се Хуайде возвращаться не стал. Он просидел в классе до самого объявления об окончании спортивных состязаний, после чего вместе с потоком расходящихся людей неспешно поплёлся в общежитие.

Вечером в корпусе стоял непривычный шум: все были полны возбуждения и усталости после состязаний. Даже при закрытой двери Се Хуайде слышал смех и разговоры, доносившиеся из коридора и соседних комнат.

Прислонившись к изголовью кровати, он крутил в пальцах синий лист бумаги, не пытаясь его складывать. Он лишь бездумно разглаживал ногтем края, пока бумага не стала мягкой и ворсистой.

В противоположной комнате стояла тишина. Сюй Чжися, должно быть, уже вернулся.

Се Хуайде уставился на дверь собственной спальни, словно мог пронзить её взглядом и увидеть такую же запертую дверь напротив и человека за ней, который так сильно баламутил ему душу.

Спортивные состязания подошли к концу.

Но кое-что, судя по всему, только начинало зарождаться.

<http://bllate.org/book/21841/2264367>